Фальшивая невеста

на три дня

Правила:

~~1. Целуемся только на публике~~

~~2. Каждый на своей половине~~

~~3. Никаких чувств~~

4. Только секс.
До понедельника!

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

ТРИ ДНЯ · ОДНА КРОВАТЬ · НИКАКИХ ЧУВСТВ

Нади Хоуп

Фальшивая невеста на три дня

«Автор»
2026

Хоуп Н.

Фальшивая невеста на три дня / Н. Хоуп — «Автор», 2026

Три дня. Одна кровать. Никаких чувств. Я организую чужие свадьбы и точно знаю, сколько стоит «навсегда»: цветы, арка и три года до развода. Так что когда Марк Соколов — старший брат моей лучшей подруги и самый невыносимый мужчина на свете — предлагает мне деньги за роль его невесты, я соглашаюсь. Три дня на юбилее его родителей. Три правила на салфетке. Что может пойти не так? Всё. Нас селят в одну комнату. Его бабушка слышит через стену. А поцелуй «для убедительности» выходит настолько убедительным, что ко второй ночи от правил остаётся только смятая салфетка. Мы договорились: это просто секс, и он закончится в понедельник. Осталось придумать, как объяснить это моему сердцу. Три года я объясняю маме, что женат на работе. Три дня с Верой Ланской казались простым решением: она умеет красиво врать, а я умею держать дистанцию — держал её тринадцать лет. Хватило одной ночи и одной подушки на полу, чтобы понять: врал я не маме. Я врал себе. ХЭ. 18+

© Хоуп Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. 5
Глава 1. Клиент со странной просьбой 8
Глава 2. Одна кровать 15
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Нади Хоуп
Фальшивая невеста на три дня

Пролог.

Тринадцать лет назад

В пятнадцать лет я уже знала главное правило выживания в чужих домах: улыбайся, говори «спасибо» и никогда не бери последний пирожок.

У Соколовых пирожков было три блюда. С капустой, с мясом и с вишней, и тётя Галя подкладывала мне так, будто я приехала с голодного края света, а не с соседней улицы. Дома у нас в то лето не пекли. Дома родители разводились и делили всё подряд: шкаф, машину, собаку. И меня, заодно с собакой. Ругались они так громко, что соседи стучали по батарее.

А у Соколовых была веранда с виноградом, скатерть в подсолнухах и папа, который, проходя мимо, целовал маму в макушку. Просто так. Между заваркой чая и вопросом, где отвёртка. Я смотрела на это, как на фокус, и ждала, когда фокусник ошибётся.

– Верочка, ещё компотику? – спрашивала тётя Галя.

– Спасибо, очень вкусно, – говорила я.

Это были почти все слова, которые я произнесла за тот день. Лиза говорила за нас обеих. Она перевелась в наш класс в мае, села рядом со мной, потому что больше было некуда, и за три недели решила, что мы лучшие подруги. Спорить с Лизой Соколовой было всё равно что спорить с летним ливнем, и я не стала. Тем более что тайно была согласна.

И вот я сидела на их веранде, держала спину ровно и старалась не крошить.

А потом хлопнула калитка, и тётя Галя всплеснула руками так, будто вернулся сын с войны.

– Марик! У нас гости, иди познакомься!

Марику было девятнадцать. Он только что сдал какую-то страшную сессию в медицинском и, судя по лицу, не спал с апреля. Он вошёл с рюкзаком на одном плече и толстенным учебником под мышкой, кивнул мне, как кивают табуретке, и цапнул с блюда пирожок с вишней.

Последний пирожок с вишней.

Я вежливо улыбнулась. Правило есть правило.

– Это Вера, – сообщила Лиза с гордостью человека, который подобрал с улицы котёнка. – Она лучшая в классе по алгебре и вообще гений. А у неё родители разводятся, так что она всё лето у нас.

Я перестала улыбаться.

Тётя Галя ахнула: «Лиза!» Пётр Андреевич кашлянул в газету. А Марк посмотрел на меня внимательнее, так, как, наверное, смотрят на сложный рентгеновский снимок, и сказал с набитым ртом:

– Сочувствую.

И пошёл наверх.

Вот так. Одно слово, сказанное с вишнёвым пирожком во рту. Даже не злое. Хуже: равнодушное, как печать в медкарте. Диагноз: девочка из разбитой семьи. Лечению не подлежит. Следующий.

Сочувствие я в то лето ненавидела больше всего на свете. Больше, чем крики за стеной. Крики хотя бы были честными.

* * *

Настоящая война началась через неделю, из-за вазы.

Ваза была синяя, гжельская, с петухами, и стояла в гостиной на почётном месте с тех пор, как бабушка Роза подарила её тёте Гале на свадьбу. Тётя Галя стирала с неё пыль отдельной тряпочкой. Лиза сбила её бадминтонным воланчиком, который закинула в открытое окно с четырёх метров, что, честно говоря, было по-своему впечатляюще.

Лиза стояла над осколками белая, как стена.

– Мама меня убьёт, – прошептала она. – Она сказала, ещё один раз, и никакого лагеря. Вер, никакого лагеря!

Я посмотрела на осколки. Потом на Лизу. Потом снова на осколки.

Меня в лагерь никто не отправлял. И убить меня тётя Галя тоже не могла: гостей не убивают, им говорят «ничего страшного, деточка» и потом обсуждают на кухне шёпотом. Я знала эту математику. Я была лучшей в классе по алгебре.

Так что когда тётя Галя вбежала на звон, я уже держала в руках воланчик.

– Это я, – сказала я тихо. – Извините, пожалуйста. Я заплачу.

У меня было три тысячи рублей в коробке из-под духов и ни малейшего представления, сколько стоит бабушкина гжель. Но тон был идеальный. Смущённый, честный, чуть дрожащий. Я его репетировала на собственных родителях целый год.

И сработало. Тётя Галя моргнула, смягчилась и уже открыла рот, чтобы сказать то самое «ничего страшного, деточка», но тут с лестницы раздалось:

– Это Лиза.

Марк стоял на лестнице, прислонившись к перилам, с тем же учебником. По-моему, он с ним спал.

– Я видел из окна, – сказал он ровным голосом, каким, наверное, зачитывал на экзамене симптомы. – Вера воланчик даже в руки не брала. Она его подняла с пола секунд десять назад.

Тишина была такая, что я слышала, как в саду течёт шланг.

Лиза разревелась. Тётя Галя переключилась на неё, как прожектор, и про меня забыли. Все, кроме него.

Он спустился на две ступеньки и сказал мне вполголоса, не зло, даже почти доброжелательно. И вот это было хуже всего:

– Не надо, мелкая. Врать ты не умеешь. У тебя ухо дёргается.

Я схватилась за ухо раньше, чем поняла, что делаю. И увидела, как дрогнул уголок его рта.

Ухо у меня не дёргалось. Никогда. Он просто проверил, и я попалась, как первоклашка.

* * *

Я не сказала ни слова. Я вообще редко что-то говорила вслух: это удобно, люди считают тебя милой и перестают за тобой следить.

За ужином я вежливо предложила налить всем компота. Тётя Галя растрогалась: какая воспитанная девочка. Я налила ей, Пётру Андреевичу, заплаканной Лизе. И Марку, в его большую кружку с надписью «Будущему светилу медицины», куда заранее высыпала три столовые ложки соли.

Он сделал большой глоток. Замер. Лицо у него при этом почти не дрогнуло. Надо отдать ему должное: выдержка у будущего светила была железная. Он просто медленно поставил кружку и посмотрел на меня через стол.

Я смотрела в ответ и вежливо улыбалась, хотя сердце колотилось где-то в горле. Внутри всё пело от злого, сладкого торжества: попался, светило медицины. Я ждала, что он закашляется, выплюнет, наябедничает маме, и тогда все увидят, какой он на самом деле. Ухо у меня не дёргалось. Я проверила, незаметно коснувшись его кончиками пальцев.

– Вкусно, Марик? – с надеждой спросила тётя Галя. Она варила этот компот с утра и ждала похвалы, как пятёрки.

– Очень, – медленно протянул Марк, не сводя с меня тёмных насмешливых глаз. Голос у него был совершенно спокойный, только на скуле дёрнулась жилка. – Мам, ты превзошла себя. И допил до дна.

Всю кружку. До последней капли. Солёную, как Чёрное море, вишнёвую бурду. Я смотрела, как двигается его кадык, и чувствовала, как моё торжество медленно скисает. А он поставил кружку на стол дном вверх, со стуком, как ставят выигранный кубок, и чуть заметно приподнял бровь: ну, мелкая, твой ход.

Щёки у меня вспыхнули. Пальцы под столом сами собой сжались в кулаки. И тогда я поняла две вещи.

Первая: Марк Соколов самый невыносимый человек на земле, и я буду ненавидеть его вечно.

Вторая: я научусь врать так, чтобы никто и никогда больше не увидел разницы. Особенно он.

* * *

Прошло тринадцать лет. Врать я научилась блестяще: теперь у меня своё свадебное агентство, и я продаю людям сказку про «вместе навсегда», в которую сама не верю, с таким лицом, что невесты плачут прямо у меня в офисе.

И ненавидеть Марка Соколова у меня тоже прекрасно получалось. Все тринадцать лет.

А потом Марк Соколов сел напротив меня в баре, подвинул через стол салфетку с цифрой и предложил мне деньги за то, чтобы я соврала всей его семье.

И я согласилась.

Глава 1. Клиент со странной просьбой

Вера

За сорок минут до церемонии выяснилось, что на торте написано «Олег + Марина».

Невесту звали Карина.

– Вера Сергеевна, это конец, – прошептала Ася, моя ассистентка, и прижала ладони к щекам так, будто торт был не кондитерским изделием, а местом преступления. – Она же его убьёт. Или нас. Скорее нас, он ей ещё нужен.

Я посмотрела на торт. Три яруса, белый шоколад, сахарные пионы, сто девяносто тысяч рублей. И витиеватая буква «М», сияющая на верхнем ярусе, как неоновая вывеска чужой ошибки.

Заебись, – подумала я, и под рёбрами противно ёкнуло, как в лифте, который вдруг провалился на этаж вниз. Уши обдало жаром, в висках застучало. Сто девяносто тысяч, два месяца переписки с кондитером и невеста, которая уже дважды за утро плакала от счастья. Если Карина увидит эту «М», счастье закончится раньше банкета. А вместе с ним моя репутация, мои отзывы и моя спокойная старость. Я сжала пальцы в кулак, сосчитала до трёх и разжала. Паниковать можно будет потом, дома, в ванной, с бокалом вина.

– Принеси мне кондитерский мешок с белым кремом, – сказала я вслух, спокойно и тихо, как спрашивают время. – А ещё пинцет и сахарный пион с нижнего яруса, сзади, там никто не заметит.

Ася моргнула, открыла рот, чтобы что-то спросить, встретила мой взгляд и без единого слова рванула на кухню. За два года работы со мной она выучила главное: чем тише я говорю, тем хуже дела.

Через восемь минут буква «М» превратилась в изящный сахарный венок, а рядом с ним появилась аккуратная «К». Я отступила на шаг, сняла перчатки и оценила работу. Выглядело так, будто так и задумывалось. Даже лучше, чем задумывалось.

– Вы ведьма, – с благоговением выдохнула Ася, прижимая к груди пустой мешок. – Серьёзно. Вас бы в средние века сожгли.

– В средние века не было сахарной мастики, – сухо ответила я, вытирая пальцы салфеткой. – Что с диджеем?

Ася сразу сникла, как цветок без воды, и отвела глаза.

– Он… ну… он в форме. В какой-то форме.

Диджей был в форме шара. Он сидел за пультом в террасной беседке, блаженно улыбался подсолнухам и пахнул коньяком так, что осы облетали его стороной. Когда я подошла, он поднял на меня счастливые глаза и произнёс с чувством:

– Девушка, вы такая… такая… надёжная.

– Спасибо, – вежливо улыбнулась я и аккуратно вытащила из его ноутбука флешку. – Вы сегодня тоже очень надёжный. Отдохните.

У меня в сумке всегда лежала запасная флешка с плейлистом на четыре часа, запасные колготки, запасные запонки, пластыри, игла с нитками трёх цветов и антипохмельное. Люди думают, что свадебный организатор продаёт красоту. Нет. Свадебный организатор продаёт план Б.

План В понадобился через двадцать минут, когда мама невесты обнаружила, что сидит во втором ряду, а мама жениха в первом. Две женщины в шляпках стояли над белыми стульями, как два боксёра над рингом, и воздух между ними звенел.

– Я родила эту девочку! – дрожащим от гнева голосом заявила мама невесты, тыча пальцем в первый ряд.

– А я вырастила мужчину, который её берёт! – ледяно парировала мама жениха, не двигаясь с места ни на миллиметр.

Я подошла, не спеша, с планшетом в руках и выражением тихого сочувствия на лице.

– Извините, – сказала я так тихо, что обеим пришлось замолчать и наклониться ко мне. – Это моя ошибка. По традиции мамы молодых стоят справа и слева от арки, вот здесь и вот здесь. Чтобы дети видели вас в момент клятвы. Фотограф снимет вас крупным планом.

Никакой такой традиции не существовало. Я придумала её две секунды назад. Но лица у обеих сразу смягчились, плечи опустились, и мама невесты уже поправляла шляпку для крупного плана.

Ухо у меня, разумеется, не дёрнулось.

* * *

Церемония началась семь минут в семь. Солнце легло на озеро именно так, как я рассчитала по приложению три недели назад. Скрипачка заиграла, и Карина поплыла по дорожке из лепестков, сияющая, как ёлочная игрушка.

Я стояла сбоку, за кустом гортензии, с рацией в одной руке и пачкой салфеток в другой. На всякий случай. На свадьбах всегда кто-то плачет.

Олег плакал уже на второй строчке клятвы.

– Я обещаю любить тебя, – сдавленно выговаривал он, сжимая Каринины пальцы так, будто боялся, что её унесёт ветром. – В болезни и в здравии. В богатстве и в бедности. Навсегда.

Гости дружно вздохнули. Две мамы справа и слева от арки одновременно потянулись за платочками. Ася рядом со мной шмыгнула носом, и я молча протянула ей салфетку, не отрывая взгляда от пары.

Хорошие ребята. Искренние. Он смотрит на неё как на чудо, она на него как на надёжную стену.

Три года, – лениво подумала я, глядя, как он надевает ей кольцо. *Максимум четыре. Потом ипотека, ребёнок, его мама по воскресеньям, и однажды утром она поймёт, что не может слышать, как он жуёт.*

Я не горжусь этим цинизмом. Но и не стыжусь. Это просто статистика, а со статистикой я всегда дружила. Лучшая в классе по алгебре, помните?

– Вера Сергеевна, – шмыгнула Ася, утирая потёкшую тушь. – А вы сами верите? В навсегда?

Я посмотрела на неё, на её мокрые двадцатидвухлетние глаза, полные сказок, и мягко улыбнулась.

– Я верю в предоплату, – сказала я и нажала кнопку на рации. – Конфетти через тридцать секунд. И кто-нибудь, уберите диджея от подсолнухов.

* * *

Агентство «Да. Точка» занимало две комнаты на третьем этаже старого особняка в центре. Высокие потолки, скрипучий паркет, белые пионы в вазах и вид на колокольню. Невесты входили сюда, видели эту колокольню и подписывали договор раньше, чем я успевала достать прайс.

В понедельник утром колокольня выглядела как надгробие.

– Вера Сергеевна, вы только не волнуйтесь, – сказала Ася с порога, и по тому, как она вцепилась в кружку с капучино, я поняла, что волноваться пора. – Там письмо. И ещё одно. И звонил Вадим Петрович.

Вадим Петрович был владельцем особняка, колокольни и, по моим ощущениям, всего центра города. Он звонил редко и всегда не к добру.

Я села за стол, открыла ноутбук и прочитала первое письмо. Потом второе. Потом снова первое, потому что цифры в нём не хотели укладываться в голове.

С первого числа аренда росла вдвое. «В связи с рыночной конъюнктурой», как вежливо писал Вадим Петрович. Или платите, или освобождайте помещение, ваши пионы можете забрать.

Во втором письме были Стрельцовы. Двести гостей, загородный клуб, фейерверк, живой оркестр. Самая дорогая свадьба в истории моего агентства, на которую я рассчитывала как на спасательный круг. Теперь Стрельцовы сообщали, что свадьбы не будет, и просили вернуть предоплату за вычетом неустойки.

Невеста ушла к инструктору по теннису. За полтора месяца до торжества.

Я откинулась на спинку кресла и долго смотрела в потолок с лепной розеткой.

Ну вот, – с каким-то извращённым удовлетворением подумала я. *Вот тебе и навсегда. Даже до арки не дотянули. А страдать буду я, сука, с моими пионами и колокольней.*

– Вера Сергеевна? – Ася осторожно поставила передо мной капучино, как ставят миску перед незнакомой собакой. – Вы так долго молчите. Мне страшно.

– Я считаю, – спокойно ответила я, не отрывая взгляда от розетки.

И я считала. Аренда на три месяца вперёд, как требовал новый договор. Предоплата Стрельцовым, которую я давно перевела подрядчикам. Зарплата Асе. На другой чаше весов лежал мой расчётный счёт и две небольшие свадьбы в сентябре. Алгебра получалась простая и беспощадная: через месяц «Да. Точка» превратится в «Нет. Точка».

– Может, кредит? – робко предложила Ася, присаживаясь на краешек стула. – Или… ну… вы же всех знаете. Может, кто-нибудь срочно захочет жениться?

Я наконец посмотрела на неё, и Ася сразу подняла ладони, сдаваясь.

– Поняла. Глупая идея. Иду отвечать на почту.

Когда за ней закрылась дверь, я долго сидела без движения, обхватив ладонями остывающую кружку. Руки не дрожали. У меня никогда не дрожат руки. Просто в груди что-то медленно сжималось, как будто кто-то затягивал на мне корсет.

Это агентство было единственным, что я построила сама. Без чьей-то помощи, без чьего-то сочувствия. И отдавать его Вадиму Петровичу вместе с колокольней я не собиралась.

Телефон завибрировал на столе. Лиза.

Вер, сегодня в восемь в нашем баре. Это срочно!!! И пообещай, что не убежишь, когда увидишь, кого я приведу.

Я смотрела на экран секунд десять. Три восклицательных знака у Лизы означали одно из двух: или она нашла идеальные туфли, или собиралась втянуть меня в авантюру. А таких туфель, чтобы мне захотелось от них сбежать, ещё не шили.

Кого приведёшь? – напечатала я.

Ответ пришёл мгновенно, и по нему было видно, что на том конце Лиза хитро улыбается.

Сюрприз И он может решить твою проблему с арендой.

Я нахмурилась. Про аренду я не говорила никому, кроме Аси. А Ася, судя по подозрительно стихшему цоканью клавиатуры за стеной, слишком хорошо дружила с Лизой в инстаграме.

– Ася, – негромко позвала я.

За стеной что-то упало и разбилось.

* * *

«Наш бар» был подвалом с кирпичными стенами, тёплым светом и барменом Артуром, который при виде меня без вопросов наливал сухой мартини с тремя оливками. Я пришла в семь пятьдесят, потому что всегда прихожу раньше. Так у тебя есть время выбрать столик, сесть спиной к стене и видеть дверь.

Лиза влетела в восемь двенадцать, раскрасневшаяся, в расстёгнутом плаще и с таким видом, будто бежала сюда от самого дома. Она чмокнула меня в щёку, похитила оливку из моего бокала и плюхнулась напротив.

– Только не убивай Асю, – с ходу выпалила она, жуя оливку и виновато хлопая ресницами. – Она за тебя переживает. И я тоже. И у меня есть гениальная идея. Только ты сначала дослушай до конца, ладно?

– Где сюрприз? – спокойно спросила я, не отводя глаз от двери.

Лиза виновато скосила глаза на лестницу.

– Паркуется. Вер, только помни, ты обещала не убегать…

Я ничего не обещала. Но сказать этого не успела, потому что дверь открылась, и по ступенькам спустился Марк Соколов.

В баре стало тесно. Это было первое, что я почувствовала. Он пригнулся под низкой балкой, выпрямился, и подвал сразу стал низким, а кирпичные стены подошли ближе. Сердце стукнуло один раз, тяжело и глупо, будто споткнулось на ровном месте, а потом пустилось вскачь. Белая рубашка с закатанными рукавами, тёмные волосы, щетина, плечи, занимавшие всю ширину лестницы. Я поймала себя на том, что задержала дыхание, и разозлилась так, что закололо кончики пальцев. Тринадцать лет я тренировалась его ненавидеть, а моё тело, предатель, об этом, похоже, никто не предупредил. На предплечьях выступали вены, и девушка за соседним столиком проводила их взглядом с таким интересом, будто изучала анатомию. Мне вдруг захотелось встать и загородить его собой. Или выплеснуть ей в лицо мой мартини. Я так и не поняла, что из этого хуже.

Блядь, – отчётливо подумала я.

И вежливо улыбнулась.

Он остановился у столика, посмотрел на меня сверху вниз тёмными непроницаемыми глазами, и в уголке его рта что-то дрогнуло. Точно так же, как дрогнуло тогда, на лестнице.

– Вера, – произнёс он низким ровным голосом, и своё имя в его исполнении прозвучало так, будто он проверял, как оно звучит.

– Марк, – так же ровно отозвалась я, и пальцы под столом сами собой сжали ножку бокала.

Лиза переводила взгляд с него на меня, как зритель на теннисном матче, и наконец нервно хлопнула в ладоши.

– Отлично! Все друг друга помнят. Марик, сядь, ты надо мной нависаешь, как кран на стройке.

Он сел. Стул под ним жалобно скрипнул. От него пахло ночным воздухом, каким-то дорогим деревом и совсем чуть-чуть табаком. Он достал из нагрудного кармана пачку сигарет, вспомнил, где находится, и просто начал крутить её в пальцах. Раз, другой, третий.

Интересно. Марк Соколов нервничал.

– Кардиохирург с сигаретами, – тихо заметила я, вращая бокал за ножку. – Очень убедительно.

Он поднял на меня глаза, и пачка в его пальцах замерла.

– Свадебный организатор, который не верит в брак, – с такой же тихой вежливостью отозвался он. – Тоже неплохо.

Я прищурилась. Лиза поспешно нырнула в меню, будто искала там спасение.

– Ладно! – она захлопнула меню и решительно набрала воздуха. – Слушай. В это воскресенье у мамы с папой тридцать лет свадьбы. Они собирают всех родственников в загородном доме на три дня. И мама… – она бросила виноватый взгляд на брата. – Мама снова пригласила Алину.

Марк молча перевернул пачку ещё раз. Скулы у него чуть затвердели.

– Алина, – с нажимом продолжала Лиза, – это дочка маминых друзей, она красивая, стоматолог и очень хочет замуж. За Марка. Мама уже три года пилит его на тему «тебе тридцать два, а внуков нет». И на прошлой неделе она звонит ему прямо после суточной смены, и он…

– Лиза, – предупреждающе сказал Марк, не повышая голоса.

– …и он сказал ей, что приедет на юбилей с невестой, – торжественно закончила Лиза и откинулась на спинку стула с видом фокусника, доставшего кролика из шляпы.

Воцарилась тишина. Артур за стойкой тактично загрохотал шейкером.

Я медленно повернулась к Марку. Он смотрел на пачку сигарет так сосредоточенно, будто на ней была написана комбинация от сейфа.

– Ты соврал маме, – медленно произнесла я, смакуя каждое слово, как оливку. – Ты. Человек, который следит за чужими ушами.

Уголок его рта снова дрогнул. Он помнил. Конечно, он помнил.

– Я был после суток, – сухо ответил он, встречая мой взгляд без тени смущения. – И она в третий раз за разговор произнесла слово «Алиночка». Это была самооборона.

– И теперь тебе нужна невеста, – кивнула я.

– На три дня, – так же спокойно кивнул он.

И тут до меня дошло. Я перевела взгляд на Лизу. Лиза сияла, как ребёнок, подаривший маме самодельную открытку.

– Нет, – сказала я так спокойно, что сама себе поаплодировала бы, если бы руки не были заняты. Одной я сжимала ножку бокала, другой край стола, чтобы не вскочить и не уйти прямо сейчас. Внутри всё кипело: изображать влюблённую в Марка Соколова, да ещё перед его мамой, да ещё три дня подряд. Пусть лучше Вадим Петрович забирает мои пионы.

– Вер, ты обещала дослушать! – взмолилась Лиза, хватая меня за запястье. – Мама тебя обожает! Ты единственная, кому она поверит с первой секунды. Ты же профессионал, ты каждую субботу смотришь на влюблённых, ты знаешь, как они себя ведут…

– Я сказала нет, – тихо повторила я, и Лиза сразу разжала пальцы. Она тоже знала мой тихий голос.

Марк несколько секунд разглядывал меня, чуть наклонив голову. Потом отложил пачку, взял со стола бумажную салфетку и вытащил из кармана ручку. Руки у него были большие, с длинными точными пальцами, и цифры он вывел так аккуратно, будто накладывал шов.

Затем он подвинул салфетку через стол одним пальцем.

Я не хотела смотреть. Я честно не хотела. Но глаза опустились сами.

Аренда на три месяца. Предоплата Стрельцовым. Зарплата Асе. И ещё оставалось на пионы. Я пересчитала нули дважды, и оба раза их было столько же.

Сука, – бессильно подумала я. *Сука, сука, сука. Лиза всё ему рассказала. Он знает точную сумму, и он пришёл сюда с ручкой.*

– Лиза сказала, что у тебя проблемы с агентством, – спокойно произнёс Марк, и в его голосе не было ни насмешки, ни тепла. Просто факт. – Сочувствую.

Я замерла. Тринадцать лет схлопнулись в одну секунду. Мне снова было пятнадцать: чужая веранда, ровная спина, вежливая улыбка, а он жуёт последний вишнёвый пирожок и роняет своё равнодушное «сочувствую», как печать в медкарте. В горле встал ком, щёки обожгло, будто мне дали пощёчину.

Наверное, что-то отразилось у меня на лице, потому что он вдруг нахмурился, будто услышал себя со стороны.

– Почему я? – спросила я, и голос прозвучал тише, чем мне хотелось. – Ты же сам сказал, что врать я не умею.

Он наклонился чуть ближе, опершись локтями о стол, и меня снова окутало запахом дерева и табака.

– Это было тринадцать лет назад, – негромко сказал он, и в тёмных глазах мелькнуло что-то очень похожее на охотничий азарт. – А сейчас ты целых десять минут улыбаешься мне так, будто рада меня видеть. И ухо не дёргается. Научилась, мелкая.

У меня во рту стало сухо. Лиза затаила дыхание и сделала вид, что её тут нет.

Я посмотрела на салфетку. Потом на него. Потом снова на салфетку. Колокольня, пионы, Асины мокрые глаза. И Вадим Петрович, который уже потирает руки.

Три дня. Всего три дня.

– У меня условие, – наконец сказала я, стиснув зубы так, что заныла челюсть. – Ты больше никогда не называешь меня мелкой.

Марк медленно выпрямился, и впервые за весь вечер на его лице появилась настоящая улыбка. Короткая, кривая, с тонкими морщинками у глаз. И от этой улыбки девушка за соседним столиком чуть не пролила свой мохито.

– Договорились, мелкая, – сказал он.

И протянул мне руку через стол, как партнёру по сделке.

Я смотрела на эту большую ладонь с длинными пальцами целую вечность. И пожала её, стиснув зубы.

Ладонь была горячая и сухая. И он держал мою руку на секунду дольше, чем того требовала сделка.

* * *

В пятницу в три часа дня у моего подъезда остановился чёрный внедорожник, и соседка с первого этажа застыла с лейкой над своими бархатцами, когда из него вышел Марк.

Он молча взял мой чемодан. Молча закинул его в багажник, будто там были не двадцать три килограмма нарядов на все случаи жизни, а пустая коробка. Молча открыл передо мной переднюю дверь.

– А где «здравствуй, любимая»? – спросила я самым сладким голосом, на какой была способна, и сама от себя поморщилась.

– Репетируем при зрителях, – сухо отозвался Марк, кивнув на соседку с лейкой. – Садись.

Первые сорок минут мы ехали в тишине. Не в той уютной тишине, когда людям хорошо вместе и слова не нужны. А в той, какая бывает в лифте между двумя этажами с незнакомцем. Марк вёл машину так же, как, наверное, оперировал: спокойно, точно, без единого лишнего движения. Одна рука на руле, другая на рычаге. Рукава снова закатаны до локтей.

Я смотрела в окно. На берёзы, на рекламные щиты, на фуры с арбузами. И вот что интересно: всякий раз, когда он переключал передачу, мой взгляд сам собой соскальзывал на его предплечье. На вену, которая шла от запястья вверх и пряталась под белым хлопком.

Соберись, Ланская, – зло подумала я и снова уставилась на арбузы. *Это просто рука. У всех людей есть руки. У диджея с субботней свадьбы тоже были руки, и ничего, ты же не пялилась на них, как дура.*

На заправке он остановился, вышел и первым делом закурил, отойдя к краю площадки. Я видела его через лобовое стекло: высокую спину, опущенную голову, дым, который ветер сразу рвал в клочья. Он затягивался глубоко, долго, как человек, которому не хватает воздуха.

Марк Соколов нервничал снова. И от этого мне почему-то стало чуть спокойнее.

Он вернулся с двумя стаканами кофе и пачкой салфеток. Протянул мне один стакан, не глядя. Американо, без сахара, с каплей холодного молока. Именно так, как я пью.

– Лиза? – спросила я, подозрительно разглядывая стакан.

– Лиза прислала мне список, – ровно ответил он, заводя мотор. – На две страницы. Твой кофе, твои любимые цветы, твоя аллергия на киви. Жених должен знать такие вещи.

Я помолчала, переваривая услышанное. Никакой аллергии на киви у меня не было. Лиза её придумала. Зачем, я понятия не имела, но сдавать подругу не собиралась.

– А ещё, – добавил Марк, выруливая на трассу, и в его голосе появилась какая-то осторожность. – Тебе надо кое-что знать заранее. На юбилей съедется вся родня. Бабушка, тётки, кузены с детьми. Все комнаты будут заняты. Так что нас поселят вместе.

Я медленно повернула голову.

– Вместе, – повторила я, как повторяют диагноз.

– В моей старой комнате, – не отрывая взгляда от дороги, подтвердил он. Челюсть у него чуть напряглась. – Там одна кровать.

Заебись, – подумала я уже во второй раз за неделю. *Просто, блядь, заебись.*

Я вытащила из пачки бумажную салфетку, расправила её на колене и достала из сумки ручку. Руки не дрожали. Очень старались не дрожать.

– Что ты делаешь? – настороженно спросил Марк, коснувшись взглядом моих коленей.

– Договор, – коротко ответила я, и ручка заскрипела по тонкой бумаге. – Ты же любишь салфетки с цифрами. А я люблю салфетки с правилами.

Писать в едущей машине было неудобно, буквы заваливались вправо, но мне было плевать. Важно было только одно: чтобы на эти три дня у меня был план. А план Б на всякий случай лежал у меня в сумке, рядом с антипохмельным.

Правила:

1. Целуемся только на публике.

2. Каждый на своей половине кровати.

3. Никаких чувств.

Я перечитала написанное, поставила внизу размашистую подпись и протянула салфетку ему вместе с ручкой.

Марк скосил глаза на салфетку, потом на дорогу, потом снова на салфетку. На третьем пункте его бровь медленно поползла вверх.

– «Никаких чувств», – вслух прочитал он, и по его голосу было слышно, что он сдерживает смех. – Это правило для меня или для тебя?

– Для обоих, – ледяно ответила я, чувствуя, как предательски теплеют уши. – Подписывай.

На первом же светофоре он подписал. Коротко, резко, врачебным почерком, который невозможно прочитать. А потом, вместо того чтобы вернуть салфетку мне, аккуратно сложил её вчетверо и убрал в нагрудный карман рубашки. Туда же, где лежали сигареты.

– Эй, – возмутилась я, протягивая руку. – Это мой экземпляр.

– У меня надёжнее, – спокойно сказал Марк и тронулся с места, как только загорелся зелёный. – Ты же сама написала: никаких чувств. Вот я и прослежу, чтобы ты не нарушила.

Я отвернулась к окну и молча уставилась на пролетающие берёзы. Ухо у меня не дёргалось. Но горело так, что на нём можно было жарить яичницу.

Москва осталась позади. До дома Соколовых под Звенигородом оставалось тридцать километров. До понедельника семьдесят два часа. И я была абсолютно уверена, что продержусь все семьдесят два.

Глава 2. Одна кровать

Марк

Последние десять километров я думал одно: это худшая идея в моей жизни.

А у меня были плохие идеи. Однажды я решил жениться. На тот раз всё закончилось за месяц до свадьбы и одной фразой в прихожей: «Ты женат на работе, Марк». Но там хотя бы всё было честно. А сейчас рядом со мной сидела ложь в светлом платье, и от этой лжи пахло чем-то тёплым, сливочным, отчего я дважды промахнулся мимо поворота.

Вера молчала с самой заправки. Сидела прямо, сложив руки на коленях, и смотрела на дорогу так, будто считала столбы. Может, и считала. От неё всегда можно было ждать чего угодно. Я до сих пор иногда чувствовал вкус того компота.

За тринадцать лет мы виделись раз пять, не больше. Она приезжала к нашим часто, почти как вторая дочь, а я почти не приезжал. Так и разминулись. Мама рассказывала мне по телефону: «Верочка открыла агентство», «Верочка привезла торт», «Верочка такая умничка», и я говорил «угу, мам», глядя на монитор с чужим сердцем. В моей голове Вера Ланская навсегда осталась тихой мелкой с ровной спиной и тремя ложками соли в рукаве.

А потом она подняла на меня глаза в баре, и мелкая куда-то делась. На её месте сидела девушка, от которой у меня пересохло в горле. И это мне совсем не понравилось.

Я свернул на грунтовку вдоль соснового бора, и машина затряслась на корнях. За поворотом показался зелёный забор, калитка и крыша нашего дома. У ворот уже стояли три машины родни, а с веранды доносился детский визг и смех тёти Любы, который не спутаешь ни с чем.

Я заглушил мотор и несколько секунд сидел, сжимая руль. Пальцы сами полезли к нагрудному карману. Там лежали сигареты и сложенная вчетверо салфетка, и почему-то от этого соседства мне стало смешно и тошно одновременно.

Пиздец, – коротко и точно сформулировал я диагноз.

– Не смей, – тихо сказала Вера, не поворачивая головы. – Твоя мама уже смотрит в окно. Жених, который первым делом бежит курить, выглядит как жених под дулом пистолета.

Я убрал руку от кармана и посмотрел на неё.

И увидел, как она превращается.

Это заняло секунды три. Она выдохнула, повела плечами и вытащила шпильки из строгого пучка. Медовые волосы тяжёлой волной упали ей на плечи, и салон машины сразу стал тесным. Потом изменилось лицо: серые глаза потеплели, уголки губ мягко поползли вверх, и сквозь непроницаемую вежливость проступило что-то совершенно другое. Счастье. Тихое, смущённое, чуть глуповатое счастье женщины, которую везут знакомить с роднёй любимого.

Я знал, что это игра. Я сам за неё заплатил. И всё равно у меня что-то неприятно дёрнулось в груди, как аритмия на кардиограмме.

– Ну? – спросила она совсем другим голосом, тёплым и чуть хрипловатым. – Ты так и будешь сидеть, как памятник, или откроешь мне дверь, любимый?

На слове «любимый» у меня дёрнулась щека. Я молча вышел, обошёл машину и открыл ей дверь. Она вложила ладонь в мою, лёгкую и прохладную, и вышла так изящно, будто всю жизнь только и делала, что выходила из машин под руку с женихами.

А потом не отпустила мою руку. Переплела наши пальцы и слегка прижалась плечом. Правило номер один: на публике.

И публика не заставила себя ждать.

* * *

Мама вылетела из калитки в фартуке с подсолнухами и полотенцем в руках, как при пожаре. Увидела нас. Замерла. Полотенце медленно сползло на траву.

– Верочка? – шёпотом спросила она, переводя ошалелый взгляд с неё на меня, а потом на наши руки. – Марик… Так это… Это что, наша Верочка?

– Это наша Верочка, мам, – сказал я, и голос прозвучал странно, будто чужой.

Мама всхлипнула, прижала ладони к щекам и разревелась. Сразу, без предупреждения, как умеет только она: всем сердцем и на весь посёлок.

– Господи! – причитала она сквозь слёзы, кидаясь обнимать сначала её, потом меня, потом снова её. – А я-то думаю, что за невеста такая, он же ни слова, ни имени, ни фотографии! А это Верочка! Петя! Петя, иди сюда! Петя, ты посмотри, кого он привёз!

Вера обнимала маму в ответ, гладила её по спине и смеялась, смущённо и счастливо. А поверх маминого плеча смотрела на меня, и глаза у неё были совсем не смеющиеся. В них на секунду мелькнуло что-то очень похожее на вину.

Интересно. Врать моей маме ей было тяжелее, чем мне.

Едва мама выпустила её из объятий и полезла в карман фартука за платком, Вера шагнула назад, ко мне, и снова нашла мою руку. Не глядя, на ощупь, и переплела наши пальцы так привычно, будто делала это тысячу раз.

На крыльцо неторопливо вышел папа. В старой рубашке с закатанными рукавами, с газетой под мышкой, как тридцать лет назад, и с тем же спокойным внимательным лицом, от которого я в детстве признавался во всех грехах, даже чужих.

Он посмотрел на рыдающую маму. На сияющую Веру. На наши переплетённые пальцы. И наконец на меня.

Седая бровь приподнялась ровно на миллиметр.

– Ну здравствуй, сын, – негромко сказал он, и в его голосе не было ни удивления, ни радости. Только тихий, очень тихий интерес.

Пальцы мои сами собой сжались на Вериной руке. А она, не переставая улыбаться, очень незаметно и очень больно вонзила ноготь мне в ладонь.

Правильно. Не дёргайся, Соколов.

* * *

На веранде ничего не изменилось. Тот же виноград, который папа каждую осень обещает подрезать. Та же скатерть в подсолнухах, разве что чуть более выцветшая. Тот же длинный стол, за которым я когда-то выпил самую солёную кружку компота в своей жизни.

Я почувствовал, как Вера скосила глаза на этот стол. Всего на долю секунды, но её пальцы в моей руке чуть дрогнули. И я, не удержавшись, наклонился к её уху.

– Солонка на прежнем месте, – прошептал я едва слышно. – Если что.

Вера не повернула головы. Она просто улыбнулась чуть шире и произнесла столь же тихо, сладким голосом влюблённой невесты:

– Я знаю, где в этом доме лежит крысиный яд, любимый. Если что.

Я чуть не засмеялся. Пришлось срочно закашляться.

В глубине веранды, в плетёном кресле, сидела бабушка Роза. Восемьдесят четыре года, седой пучок, нитка жемчуга на шее и взгляд следователя, который давно всё понял и просто ждёт, когда подозреваемый сам расколется. Она пережила дедушку, два инфаркта и трёх кардиологов, и со всеми тремя до сих пор спорила по телефону.

– Ну-ка, – сказала она, не вставая, и поманила Веру сухой рукой с кольцами. – Подойди. Подойди, подойди, не скучай там. Дай посмотреть, на кого мой внук наконец сподобился.

Вера отпустила мою руку и подошла. Прямая спина, лёгкая смущённая улыбка, руки сложены перед собой. Идеальная девочка из хорошей семьи. Только я видел, как у неё чуть напряглась шея.

Бабушка Роза осмотрела её снизу вверх. Медленно, обстоятельно, как осматривают лошадь на ярмарке. Туфли, лодыжки, платье, руку без кольца. На руке без кольца она задержалась, и у меня вспотела спина.

Кольцо. Блядь. Я не купил кольцо.

Но бабушка сказала совсем другое.

– Бёдра хорошие, – довольно вынесла она вердикт, похлопав по подлокотнику кресла. – Широкие. Рожать будет легко.

Вера вспыхнула мгновенно, от шеи до корней волос. Я подавился воздухом. Мама за моей спиной ахнула «Мама!» тем же тоном, каким тринадцать лет назад ахала «Лиза!». А со ступенек кто-то из моих кузенов всхрюкнул и не смог остановиться.

– Спасибо, – наконец произнесла Вера так спокойно и вежливо, будто ей сделали комплимент причёске, хотя уши у неё горели, как стоп-сигналы. – Я над ними три года приседала.

Бабушка Роза вдруг расхохоталась: громко, от души, со слезами на глазах. И в эту секунду я понял, что мы пропали. Они понравились друг другу. А если бабушка кого-то полюбила, то она лезет к нему в жизнь с ногами и докладывает об этом всей родне.

– Приседала она! – вытирая глаза кружевным платочком, простонала бабушка. – Нет, Галя, ты слышала? Три года приседала! Хорошая девочка, с зубами. Все ваши прежние только глазами хлопали. – Она резко повернулась ко мне, и смех из глаз вдруг исчез. – А ты что стоишь столбом, Марик? Иди поцелуй невесту. А то я что-то не верю.

На веранде стало тихо. Даже дети во дворе перестали визжать, будто им кто-то дал сигнал.

Вера медленно повернулась ко мне. На её лице всё ещё цвела нежная улыбка, а в серых глазах стояло чёткое и ясное: *только попробуй*.

Я подошёл к ней на деревянных ногах. В операционной у меня никогда не дрожали руки. Сейчас они не дрожали тоже, просто не знали, куда себя деть. В итоге одна легла ей на талию, а другая повисла в воздухе, как у подростка на первом свидании.

Я наклонился и торопливо чмокнул её в лоб, как племянницу перед школой. Кожа была горячая, от волос пахло тем самым сливочным теплом. Одна секунда, и я выпрямился.

Бабушка Роза посмотрела на нас с глубоким разочарованием.

– Тьфу, – с чувством сказала она и отмахнулась от нас платочком. – Так в наше время покойников целовали. Ладно, стесняетесь, понимаю. Но я за вами послежу.

Она закрыла глаза и откинулась в кресле, давая понять, что аудиенция окончена. А я стоял рядом с Верой, чувствовал под ладонью её талию сквозь тонкую ткань платья и понимал, что забыл убрать руку.

Вера тоже это понимала. Но не отстранилась.

На публике, напомнил я себе. Мы просто на публике.

* * *

– Дом битком, – виновато щебетала мама, поднимаясь перед нами по лестнице и оглядываясь на каждой ступеньке, будто боялась, что мы исчезнем. – Тётя Люба с дядей Витей в гостевой, дети в Лизиной, Дениса я на диван в гостиной положила, молодой, переживёт. А вам, дети, Марикову комнату. Вы же не против?

– Конечно, нет, тётя Галя, – ласково отозвалась Вера со ступеньки ниже, и я спиной почувствовал, с каким трудом ей даётся эта ласка.

На площадке второго этажа она вдруг замедлила шаг. Всего на секунду. Она посмотрела вниз, в гостиную, на полку у окна, и я точно знал, что она там ищет. То самое место. Ту самую лестницу, на которой я стоял с учебником, когда пятнадцатилетняя девчонка врала моей матери в лицо, спасая мою сестру.

Тогда мне казалось, что я поступаю правильно. Правда есть правда. Сейчас, глядя на её напряжённый затылок, я вдруг подумал, что был тогда самодовольным маленьким занудой. И мысль эта мне очень не понравилась.

– А вот и ваше гнёздышко! – торжественно пропела мама и распахнула дверь.

Гнёздышко было моей комнатой в шестнадцать лет. Мама не трогала тут ничего, как в музее: анатомический плакат на стене, кубки за греблю на полке, стопки старых учебников. У окна письменный стол. На окне красная герань. А посередине…

Посередине стояла кровать. Одна. Полуторная. В шестнадцать лет я считал её огромной. Сейчас, со своими метром девяносто, я смотрел на неё с ощущением, что мне предлагают спать в спичечном коробке. Вдвоём.

Мама и тут не дремала: на подушках лежали два свернутых лебедем полотенца, соединённых клювами в сердечко.

Вера за моей спиной издала какой-то странный звук. Я обернулся: она стояла с непроницаемым лицом, и только уголок рта подозрительно подрагивал.

– Какая прелесть, – дрогнувшим голосом сказала она. – Лебеди. Спасибо, тётя Галя.

– Ой, да что ты, Верочка, пустяки! – расцвела мама, и потом, понизив голос до заговорщицкого шёпота, кивнула на стену над кроватью. – Только вы уж имейте в виду, там за стенкой бабушка Роза. Стенка тоненькая, а она хоть и старенькая, а слышит, как летучая мышь. Так что… – она выразительно поиграла бровями, покраснела и выпорхнула за дверь. – Ужин в семь! Отдыхайте!

Дверь закрылась.

Наступила тишина. Густая, плотная, как вата. Из-за стены донёсся кашель и скрип кровати. Бабушка Роза занимала позицию.

Вера посмотрела на кровать. Потом на меня. Потом снова на кровать, и во взгляде у неё была такая неприкрытая геометрия, что я почти слышал, как она считает сантиметры.

– Сто двадцать, – сообщила она наконец сухим деловым тоном и скрестила руки на груди. – Максимум сто двадцать в ширину. Ты займёшь сто из них.

– Восемьдесят, – честно поправил я, прислоняясь плечом к стене. – Если на боку.

– Тогда ты спишь на боку, – не моргнув глазом, постановила она. – Лицом к стене. И подушка посередине. И не дышишь в мою сторону.

– Вообще не дышу? – уточнил я, и уголок рта сам собой пополз вверх. – Я врач, Вера. Это несовместимо с жизнью.

– Это твои проблемы, – пожала плечами она и начала методично разбирать лебедей, будто обезвреживала бомбу.

Я смотрел, как она наклоняется над кроватью. Как падают на подушку медовые волосы. Как натягивается на бёдрах лёгкая ткань платья. Бабушка, к сожалению, была абсолютно права.

Не смотри, – строго сказал я себе. *Три дня. Правило номер три. Ты сам подписал.*

Я отлепился от стены, открыл дверь на крошечный балкон и достал сигарету. Руки не дрожали. Просто зажигалка почему-то сработала только с третьего раза.

– Ты куришь больше, чем дышишь, – раздалось у меня за спиной с лёгким презрением.

– Только когда нервничаю, – без задней мысли ответил я и тут же прикусил язык.

За спиной стало очень тихо. Потом скрипнула половица. Вера подошла и остановилась в дверном проёме, опершись плечом о косяк. Я чувствовал её взгляд затылком, как прицел.

– И сейчас ты, значит, нервничаешь, – неторопливо и очень довольно протянула она.

– Нет, – отрезал я, глядя на сосны и выпуская дым кольцом.

Она помолчала секунду. А потом сказала тихо, почти нежно, и в её голосе звенело такое торжество, какого я не слышал ни у одного человека на земле:

– У тебя ухо дёргается, Марк.

Я схватился за ухо раньше, чем понял, что делаю.

И услышал, как за моей спиной Вера Ланская, тихоня и вредина, впервые за тринадцать лет рассмеялась вслух. Низко, хрипловато, от души. И от этого смеха у меня по спине пробежали мурашки.

Ухо у меня, разумеется, не дёргалось.

Тринадцать лет она ждала, чтобы вернуть мне эту фразу. И вернула. Счёт один – один.

* * *

Белая машина показалась из-за поворота, когда я докуривал вторую сигарету. Маленькая, блестящая, как новая игрушка. Она аккуратно припарковалась рядом с моим внедорожником, и из неё вышла Алина.

Алину я видел дважды. Оба раза на маминых днях рождения, и оба раза мама сажала её рядом со мной с таким невинным лицом, будто это случайность. Алина была стоматологом, любила йогу, красное сухое и фразу «а ты знал, что…». И улыбалась так широко, что я каждый раз машинально пересчитывал ей зубы.

В жизни она была ещё красивее, чем я помнил. Длинные тёмные волосы, длинные ноги, длинное белое платье. Всё в ней было длинным, кроме, как показывал опыт, терпения.

– Это кто? – раздалось у меня над ухом.

Вера стояла рядом на балконе. Когда она успела подойти, я не заметил. Серые глаза следили за белым платьем, как снайпер за целью.

– Алина, – неохотно сказал я и затушил сигарету о перила.

– Ага, – растянула Вера очень спокойно. Настолько спокойно, что мне стало не по себе. – Стоматолог. И сильно хочет замуж. За тебя.

– Лиза преувеличивает.

Вера не ответила. Она смотрела, как Алина поправляет волосы, как достаёт с заднего сиденья огромный букет пионов и как сразу же задирает голову, ища глазами окна второго этажа. Наши окна.

– Пионы, – процедила Вера сквозь зубы так, будто Алина привезла не цветы, а взрывчатку. – Ну конечно. Белые пионы.

Я посмотрел на неё с интересом. На её чуть сжатые губы. На пальцы, которые стиснули перила так, что побелели костяшки.

– А чем тебе не угодили пионы? – спросил я, и в голос поневоле пробралась улыбка.

– Ничем, – ледяно ответила она и отвернулась от перил. – У меня в офисе такие же. Пошли, твоя стоматолог сейчас придёт сюда сама, если мы не спустимся.

Твоя стоматолог. Я проводил её взглядом, и что-то в груди приятно и совершенно неуместно теплело.

* * *

Из сада пахло шашлыком и прелыми яблоками. Дядя Витя командовал мангалом, тётя Люба командовала дядей Витей, а дети командовали всем остальным. Мама, только что вернувшаяся от калитки, металась между столом и кухней с лицом человека, который пригласил на один ужин сразу двух невест для своего сына и только сейчас это осознал.

Пока я искал чистую рубашку, а Вера перед зеркалом возилась с помадой, мама успела выбежать к калитке. С лестницы я видел в окно, как она что-то виновато объясняет, всплёскивая руками, а Алина кивает с застывшей улыбкой. Теперь Алина ждала нас у крыльца. Увидев меня, она расцвела и шагнула навстречу так решительно, будто мы договаривались встретиться именно здесь и именно сейчас.

– Марк! – радостно воскликнула она, привстала на цыпочки и поцеловала меня в щёку. Близко. Слишком близко к уголку губ. От неё пахло чем-то сладким и мятным, как из стоматологического кабинета. – Как я рада! А Галина Ивановна сказала… – Она наконец перевела взгляд на Веру, и улыбка её стала ещё шире, если это вообще было возможно. – Ой. А вы, наверное, Вера?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.